

Лишь один взгляд — и становится ясно: по улице неспешно движется странная процессия. Впереди идет закутанная в вуаль женщина в лиловом, за ней семенит хорошенькая служанка, а рядом с ней — юноша в белых одеждах. Он, по-видимому, дует: косо поглядывает на спину лиловой дамы, всем своим видом выражая крайнее недовольство. Если вы решите, что в такой компании нет ничего особенного, то самое любопытное ждет позади: эту троицу сопровождает белая обезьяна, которая впряжена в повозку. Прохожие и уличные торговцы, затаив дыхание, вытягивают шеи, провожая их взглядами, — на фоне этой пестрой толпы троица с обезьяной смотрятся как белые вороны.

На что же сердится Аньлэ? Конечно, на Му Цинъянь! Та вечно над ней подшучивает: то спрячет одежду, то заставит надеться в эти невыносимые женские платья, из-за чего Юэ-эр насмеялась над ней целую вечность. Дело не в том, что Аньлэ ненавидела женскую одежду — хотя в ней и вправду куда сложнее передвигаться, чем в мужской, — проблема была в самой Му Цинъянь и ее служанке. Мало того что Му Цинъянь припрятала ее вещи, так она еще и умудрилась убедить Юэ-эр, что Аньлэ — мужчина. И эта девчонка поверила! В те дни, когда Аньлэ вынуждена была щеголять в женском, Юэ-эр смотрела на нее как на какого-то извращенца. Это зависть! Чистейшая зависть!

Обезьяна украла одежду, хозяйка эту одежду спрятала, а служанка растоптала ее хрупкую душу... Это просто непростительно!

— Ань Лэтянь! Получай! — раздался внезапно звонкий окрик, и со свистом рассекая воздух, в ее сторону метнулся длинный кнут.

Казалось, удар неизбежен!

Услышав до боли знакомый голос, Аньлэ вскинула голову. В тот миг ей показалось, что простой кнут стал огромным, словно змея, готовая вырвать кусок плоти. Прыгнуть влево — поздно, увернуться вправо — не успеть. Душа ушла в пятки!

Но тут мелькнула чья-то фигура. Широкий рукав взметнулся, словно крыло, легкое, почти танцующее движение — и кнут был мгновенно отведен в сторону.

Аньлэ, все еще дрожа от страха, посмотрела на свою спасительницу, и в ее глазах читалась безграничная благодарность.

— Девушка, что это значит? — Му Цинъянь отстранила Аньлэ, прищулив свои лисьи глаза, и холодным взглядом уставилась на юную особу в красном.

Аньлэ, проворная, как заяц, тут же юркнула за спину своей спасительницы, совершенно забыв, что еще минуту назад была на нее в обиде.

Осторожно потянув Му Цинъянь за рукав, Аньлэ высунула голову и посмотрела на девушку в красном: — Ань Хэ? Ты как здесь оказалась? — Подумав секунду, она возмутилась: — Нет, я

должна спросить, с какой стати ты на меня напала!

— Ха! Я тебя, неблагодарную, и бью! Оперилась, значит? Решила из дома сбежать? Спрашиваешь, почему я здесь? — Ань Хэ закипала от ярости и ткнула пальцем назад. — Спроси об этом вторую сестру! Все вокруг говорят, что ты пропала без вести, никто не знает, жива ты или мертва! Из-за тебя в доме переполох, все на ушах стоят! А ты, оказывается, не только жива-здорова, но еще и в компании красоток развлекаешься! Ты хоть думала о тех, кто из-за тебя места себе не находит?!

Ее гнев, конечно, был продиктован беспокойством за вторую сестру: всего за полмесяца та заметно осунулась, и во многом — из-за тревог об Аньлэ. Как тут не злиться?

— Вторая сестра? — Аньлэ радостно обвела взглядом площадь, пытаюсь найти ту самую фигуру, о которой грезилась все это время.

И вот она — спокойная и холодная, стоит неподалеку. Легкий ветерок шевелит тонкие пряди волос у ее лба. Женщина слегка улыбнулась, в ее прекрасных глазах застыла печаль, смысла которой Аньлэ не понимала.

— Лэтянь, ты вернулась... — Голос ее был таким же нежным, как и раньше.

— Вторая сестра! — Аньлэ, вне себя от радости, сорвалась с места и бросилась к Ань Цзин.

Они стояли совсем близко. Черты лица сестры были все такими же, но она явно похудела.

Аньлэ замерла, глядя на нее, и вдруг почувствовала, как к горлу подкатил ком. Она опустила голову, и голос ее дрогнул: — Вторая сестра, неужели вы из-за моих поисков даже поесть нормально не могли...

Эта худоба... Как она могла не чувствовать вины перед сестрой, которая с самого детства заботилась о ней? Знай она, что все так обернется, ни за что не осталась бы в поместье Му Цинъянь так надолго, даже если бы не могла пошевелиться — ползком бы выбралась!

Ань Цзин мягко улыбнулась, покачала головой и, погладив Аньлэ по голове, проговорила с ноткой обожания: — Нет, просто у меня в последнее время аппетита нет, к тебе это не относится. — Она помолчала, прищурилась и многозначительно посмотрела на Му Цинъянь и ее служанку: — А кто эти девушки? И что это за обезьяна... — Если она не ошибается, именно эта белая тень и похитила Аньлэ.

— Моя фамилия Му, имя Цинъянь, — Му Цинъянь, мило улыбаясь, сделала шаг вперед, опередив Аньлэ. — А обезьяна, как видите, мой питомец.

В глазах Ань Цзин мелькнуло понимание. Она холодно произнесла: — Мы вторглись в ваши

владения, и это наша вина, но то, что ваша белая обезьяна похитила моего третьего брата, просто так с рук не сойдет.

— Раз вы признаете, что вторглись первыми, то я вернула вам брата в целости и сохранности. Почему бы нам не оставить это в прошлом? — Му Цинъянь не собиралась отступать.

Аньлэ была крайне недовольна словами Му Цинъянь.

В целости и сохранности? Да я после этой обезьяны вся в синяках, а от ваших издевательств у меня внутренние травмы! Одни овощи да редька на обед! И обращались со мной как с цирковым зверем! Совесть-то надо иметь!

Аньлэ была глубоко возмущена!

Впрочем, она понимала, что обязана Му Цинъянь жизнью: если бы та не вмешалась, ее бы давно растерзали горные звери. Она застряла между Ань Цзин и Му Цинъянь, тоскливо поглядывая то на одну, то на другую.

Женщины сверлили друг друга взглядами, словно пытаясь прочесть мысли соперницы.

— Раз не умер — и ладно. Хотя, если честно, если бы помер — в стране Фуюнь еды бы больше осталось, — съязвила Ань Хэ. Ей надоело наблюдать за этой сценой, она фыркнула, презрительно дернула плечом и гордо зашагала прочь.

— Ты...! — Аньлэ, опешив от такой дерзости, забыла про сестру и бросилась вдогонку. — Мелкая невоспитанная девчонка, а ну стоять!

Но Ань Хэ, несмотря на невысокий рост, бегала быстро и в пару мгновений скрылась в трактире.

— Что это за дыра... — Ань Хэ поморщилась, едва переступив порог. Она провела пальцем по стойке и тут же стряхнула пыль. Зажав нос, она увидела группу здоровяков, которые пили, играли в кости и горланили песни. Их потные тела и запах... Желудок Ань Хэ сжался, ее едва не стошнило. Она не выдержала и с силой ударила ладонью по стойке, подняв облако пыли.

Стражники, которые ждали ее внутри, тут же окружили девушку.

— Это место ужасно грязное! И воняет мужским потом! Я здесь не останусь! — гневно выкрикнула Ань Хэ.

Она выросла в роскоши и редко выезжала из дома. Эта поездка была для нее настоящим испытанием, но она терпела ради второй сестры. А тут такой прием! Ее терпение лопнуло.

Как только она замолчала, в трактире воцарилась гробовая тишина. Сорок пар глаз уставились на нее с нескрываемой злобой.

Но Ань Хэ была не из пугливых. Она смело встретила их взгляды. С десятком умелых стражников за спиной она могла не бояться, да и кнут в ее руках никогда не подводил.

Хозяин трактира, поняв, что назревает беда, выскочил из-за стойки, кланяясь: — Простите, госпожа, это наша вина! Мы все исправим! — Он закричал на мальчишку-слугу: — Эргоуцзы, живо все здесь вычисти! За что я тебе плачу?!

Хозяин заискивающе смотрел на Ань Хэ, проклиная про себя и ветер, приносящий пыль, и этих шумных постояльцев, которые в случае чего разнесут его заведение, а платить за ущерб придется ему.

— Хочешь хорошей жизни? Переезжай в Шанхай! Говорят, там из крана льется суп из свиных ребрышек! — Аньлэ, прислонившись к косяку, с издевкой наблюдала за капризами Ань Хэ.

Хм, как она смеет так разговаривать с ней? Припомнить ей это надо обязательно.

— ... — Ань Хэ долго молчала. Она не хотела отвечать Аньлэ, но любопытство взяло верх: — Переезд? Что это за штука? И где этот Шанхай? И почему кран должен есть свиней?

— Я-то знаю, — самодовольно заявила Аньлэ, — у меня знаний — хоть отбавляй. — Ее лицо так и говорило: умоляй меня, и я расскажу.

— Да подавись ты своими знаниями. Вся столица знает, что ты, третий молодой господин Ань, ничему не учишься, а только в неприятности влипаешь, — Ань Хэ любила задевать ее за живое.

Аньлэ сердито сверкнула глазами: — А кто виноват, что матушка денег на учителя не дала? Дает мне гроши, которых едва хватает на еду! Я бы в два счета заработала больше, если бы с чашкой у ворот посидела! — Она злилась: Син Аосюэ была такой жадной, давала всего пять лянов в месяц, и те Я-эр вечно тратила на косметику!

Деньги... Кстати, когда она уезжала, она отдала Сюань У два сценария. Нужно срочно написать еще, иначе Хуаманьлоу прогорит! Аньлэ представила, как ее денежки уплывают в другой бордель, и у нее сжалось сердце.

Нет, нужно найти бумагу и кисть... Нужно писать сценарии... Нужно зарабатывать деньги...

Видя, как Аньлэ мечется, Ань Хэ лишь презрительно фыркнула: — Псих.

Выйдя из трактира, Аньлэ увидела Ань Цзин и Му Цинъянь. Похоже, они успели помириться.

Аньлэ радостно замахала рукой, но тут Му Цинъянь изменилась в лице. Ань Цзин среагировала мгновенно: она метнула ножны своего меча, которые со свистом полетели в сторону Аньлэ.

Аньлэ остолбенела. Вторая сестра, ты что, с ума сошла?! Мы же только что договорились!

Она не успела увернуться и зажмурилась. Но удара не последовало. Вместо этого в нее с грохотом врезалось что-то тяжелое — это был трехсоткилограммовый толстяк, которого кто-то выбросил из окна трактира.

Тяжелый... Тяжелее горы... Аньлэ выдохнула, чувствуя, как из нее вышибают дух.

— Ха-ха! Хорошо, что этот мешок с костями смягчил мое падение! — Толстяк вскочил, попрыгал, убедился, что цел, и с довольным видом ввалился обратно в трактир.

Да чтоб тебя, а мне-то каково?! Аньлэ лежала на земле, не в силах пошевелиться, и из ее рта брызнула кровь, окрасив рукав в алый цвет.

— Третий брат! — Ань Цзин бросилась к ней, полная раскаяния.

Му Цинъянь проверила пульс Аньлэ и нахмурилась: — Внутренние повреждения, ци в беспорядке. При должном уходе все будет хорошо.

— Хорошо, я доверяю вам, госпожа Му, — Ань Цзин с надеждой посмотрела на нее.

Из трактира снова вылетели несколько мужчин, а голос Ань Хэ прозвучал как гром: — Я сказала, что от вас воняет! Не нравится — идите помойтесь!

Аньлэ простонала: — Ань Хэ, я тебя ненавижу!

— Неужели вы думаете, что раз мой третий брат ушел, вы можете меня обижать? — донесся из трактира голос Ань Хэ.

Это словосочетание — третий брат — отозвалось в сознании Аньлэ эхом из далекого прошлого.

Когда Ань Хэ была маленькой, она была похожа на пухлый мясной пирожок. Аньлэ вспоминала, как они играли вместе, как Ань Хэ бегала за ней, выкрикивая: — Третий брат, подожди меня!

С тех пор многое изменилось, но эта фраза заставила Аньлэ почувствовать странное тепло в груди. Ее «братский» инстинкт проснулся вновь.